

Минаев Иван Павлович

Очерки Цейлона и Индии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Павлович М.**
Очерки Цейлона и Индии / Минаев Иван Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
245 с.

ISBN 978-5-519-96654-2

ISBN 978-5-519-96654-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III.

Въ Камаонѣ: Алмора и алморскіе пѣвцы.

1.

Въ концѣ мая жара въ Бенаресѣ становилась невыносимою, въ полномъ смыслѣ этого слова. Ни на минуту, ни днемъ, ни ночью, ни въ комнатѣ, ни на дворѣ нельзя было отыскать прохлады. Среди дня, выходить изъ дому не было никакой возможности; солнце палило и ослѣпляло своимъ блескомъ; отъ стѣнъ, отъ бѣлаго песку несло жаромъ: отъ отражающихся лучей становилось больно глазамъ. Вѣтеръ душилъ, обдавая облакомъ пыли. Даже утромъ, въ половинѣ шестого или въ шесть часовъ становилось жарко и душно: недолгая прогулка утомляла и расслабляла. Ни зонтикъ, ни индійскій племъ, ничто не спасало отъ вліянія лучей индійскаго солнца; изъ всѣхъ поръ точился потъ; и послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мокрое платье липло къ разгоряченному тѣлу, тѣмъ самымъ связывая движеніе и вызывая во всемъ существѣ какое-то очень непріятное чувство не-по-себѣ. Черезъ двѣ-три мили утомленіе брало верхъ надъ любонитствомъ; на диковинки, на разнообразныя курьезы начинаешь тупо и безучастно смотрѣть; позываетъ къ себѣ, въ полутемный покой, гдѣ подъ вліяніемъ панка возможно было найти

временный отдыхъ. До тѣхъ поръ, пока *панка* двигался, въ районѣ его вѣянія дышалось легко; но, лишь задремлетъ рабочій, погоняющій зефиръ, и *панка* остановится, мгновенно все тѣло, съ головы до ногъ, покрывалось обильною испариною: ночью, къ этому присоединялись мириады москитовъ. И откуда только они брались! Не успѣетъ *панка* остановиться, какъ они тутъ: жужжать и снуютъ, и кусаютъ и спать не даютъ. Но въ Индіи жара все-таки сноснѣе, нежели на Цейлонѣ: здѣсь всюду, во всѣхъ комнатахъ, водятся *панка*; всюду возможно отыскать чистую воду, а въ большихъ городахъ даже ледъ. Въ отеляхъ, въ Дакъ-бангаловъ (т. е. казенныхъ постоянныхъ дворахъ), при каждой комнатѣ есть купальня. На Цейлонѣ всѣ эти удобства не всегда доступны; путешественникъ большею частью принужденъ жить среди болѣе первобытныхъ условій; не только ледъ, но и чистая вода тамъ рѣдкость; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ центрѣ острова, и грязной воды не обильно. Въ Коломбо, въ лучшемъ отелѣ, на сотни живущихъ тамъ всего двѣ-три купальни; расположены онѣ въ дальнемъ разстояніи отъ комнатъ и за всякое купанье взимается шиллингъ, т. е. 35 копѣекъ.

Несмотря, однакоже, на обиліе воды въ даровой купальнѣ, на ледъ, на вѣяніе *панка*, въ Бенаресѣ было все-таки душно и несносно, и такъ каждый день, отъ полуночи до полуночи; казалось, что живешь въ постоянной банѣ. Трудно вообразить себѣ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ развивалась лѣнь, подъ вліяніемъ этой температуры; среди дня являлась возможность заснуть за книгой, полной новизны и интереса. Сонъ въ неурочный часъ не только не освѣжалъ, но еще болѣе располагалъ къ ничегонеделанію; заставить себя написать нѣсколько строкъ стоило не малыхъ усилій. Туземцы чувствовали себя отлично въ эту погоду и предрекали, что въ іюнѣ будетъ потеплѣе. Я рѣшился ѣхать на

сѣверъ, въ Гималаи, не дожидаясь іюня, и въ концѣ мая, въ одинъ, дѣйствительно прекрасный, день бѣжалъ изъ священнаго града; утро, какъ-бы на зло, въ тотъ день было сравнительно съ прежними прохладно. Накрапывалъ небольшой дождь и не было вѣтра. Въ вагонѣ былъ панка, и какъ только поѣздъ двинулся по направленію къ Лакноу, явился рабочій двигать панка; при закрытыхъ окнахъ и вѣяніи панка внутри вагона не только было сносно, но даже пріятно послѣ бенаресской жары.

Къ сожалѣнію, все это продолжалось не долго; въ девять часовъ жаръ сталъ чувствителенъ; поднялся вѣтеръ, и столбы дыма, пыли врывались въ вагонъ, чрезъ жалузи. Отъ панка не было никакой прохлады, искусственный зефиръ обдавалъ путешественника горячимъ пескомъ и ѣдкимъ дымомъ. Поѣздъ двигался довольно быстро, но съ безпрестанными, продолжительными остановками; и такъ какъ въ это время года мало кто изъ европейцевъ ѣздитъ, то на всемъ пути отъ Бенареса до Лакноу нельзя было достать никакой ѣды. Кое-гдѣ, на станціяхъ чуть не совершенно нагіе мальчишки продавали полугнилые бананы, и необикновенно великіе и аппетитные арбузы. Англичанинъ, житель Индіи, знаетъ какъ путешествовать по Индіи; на буфеты онъ не разчитываетъ, а беретъ съ собою всякаго рода продовольствія и даже постель и подушки; ѣдетъ за нѣсколько миль съ своимъ домкомъ и двумя-тремя слугами разныхъ исповѣданій. Одного слугу,—мусульманина, англичанинъ беретъ за обѣдомъ служить, такъ какъ ни одинъ индійецъ не согласится подать ѣду европейцу или присутствовать за его обѣдомъ. То и другое оскверняетъ индїйца и лишаетъ его касты. Другого—индїйца, онъ беретъ въ должности *valet*; и, конечно, чѣмъ важнѣе англичанинъ, тѣмъ многочисленнѣе его свита; двое, трое слугъ всего чаще сопровождаютъ путешествующаго здѣсь англичанина. Слуги здѣсь, въ сѣверной Индіи, рѣдко

говорить по-английски, но всѣ понимаютъ ломанный и коверканный урду европейцевъ. Это не мало, и по всей вѣроятности достигается ими не безъ нѣкотораго труда и навыка. такъ какъ извѣстно, что англичане не мастера изъясняться на иностранныхъ языкахъ. Не имѣвъ всѣхъ этихъ удобствъ при себѣ: ни слугъ, ни запасовъ, и проголодавъ въ продолженіи двѣнадцати часовъ, я былъ очень радъ, когда наконецъ мы добрались поздно вечеромъ до Лакноу; нашъ поѣздъ опоздалъ нѣсколькими часами по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Лакноу, какъ большинство городовъ Индіи, если безусловно вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, существуетъ тысячи лѣтъ. Говорятъ, что городъ былъ выстроенъ Лакшманомъ, братомъ Рамы (воплѣтаго въ Рамаянѣ); увѣряютъ, что городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестьдесятъ тысячъ мудрецовъ подвизались въ лѣсу Наймиши. Вѣрно однакоже одно, съ 1775 года Лакноу стала столицею Ауда и всѣ наиболѣе замѣчательныя зданія города воздвигнуты были послѣ того. Въ настоящее время (и вѣроятно также было и прежде) городъ представляетъ странную смѣсь нищеты, грязи и тяжелой, безобразной роскоши. Городъ дворцовъ, мечетей, индусскихъ храмовъ, мавзолеевъ, величественныхъ воротъ, и въ то же время съ узенькими улицами, плохо вымощенными и грязными; въ срединѣ города попадаются полуразвалившіеся заборы, на бокъ покачнувшіяся хижины, крытыя соломой; европейская часть города т. е. *cantonments*, представляетъ, какъ и по всюду въ Индіи, разительный контрастъ съ туземнымъ городомъ: всюду широкія улицы, обиліе зелени, просторъ и чистота. Аудъ былъ присоединенъ къ британскимъ владѣніямъ въ 1856; послѣдній аудскій король до сихъ поръ живетъ около Калькутты. Его громадныя дворцы, съ пространными садами, бросаются въ глаза при приближеніи къ Калькуттѣ; здѣсь падшій король проживаетъ ежегодно свои двѣнадцать лаковъ (т. е. сто

двадцать тысячъ фунтовъ), никогда не сводя концы съ концами и постоянно должая. Домены теперешняго ех-короля Ауда расположены на берегу Хугли; онѣ обнесены стѣною и этотъ маленький городокъ поражаетъ путешественника своею чистотою и безобразною роскошью.

Не много нужно проницательности, чтобы понять, почему падшему величію не хватаетъ десяти тысячъ фунтовъ въ мѣсяцъ, и ех-король постоянно въ долгу. За этими стѣнами у него шесть тысячъ вѣрно - подданныхъ, готовыхъ постоять за него, но къ сожалѣнію только пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ вооружены. Его окружаетъ такой же многочисленный и раболѣпный дворъ, какъ въ старыя годы въ Аудѣ. Число его женъ достигаетъ до полутораэта, изъ нихъ двѣ жены считаются царицами; другія суть поставщицы дѣтей. Дѣтей у ех-короля пятьдесятъ шесть человѣкъ: тридцать одинъ сынъ и двадцать пять дочерей.

За этими стѣнами находится нѣсколько дворцовъ, въ которыхъ попеременно проживаетъ ех-король, а кругомъ дворцовъ въ садахъ расположенъ звѣринецъ несомнѣнно самый громадный во всемъ мірѣ. Въ немъ насчитываютъ болѣе двадцати тысячъ птицъ, звѣрей и змій. Въ центрѣ звѣринца находится обширный прудъ въ 300 ф. длины и 240 ф. ширины; здѣсь живутъ разнообразнѣйшія рыбы. Холмъ тридцати футовъ въ вышину, изрытый норами и ходами, служитъ мѣсто-пребываніемъ для разнообразныхъ и многочисленныхъ змійныхъ породъ. Болѣе опасныя зміи, напр. *cobra* содержатся отдѣльно отсюда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ех-король выписалъ откуда-то тысячи различныхъ змій, но къ великому его огорченію, партія змій не достигла его звѣринца, а была перехвачена по приказанію британскаго правительства.

Ех-король рисуетъ и пишетъ стихи; пѣсни имъ сочиненныя распѣваются на всѣхъ *началъ* по всей Индіи. Онъ со-

держитъ на свой счетъ танцовщицъ, пѣвицъ, музыкантовъ. Его садами завѣдываютъ болѣе трехъ-сотъ садовниковъ. На одинъ кормъ его звѣринца истрачивается въ мѣсяцъ болѣе пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ, и никто не можетъ вычислить, даже съ приблизительною точностью, что стоитъ содержаніе всѣхъ его дамъ.

Присоединеніе Ауда, какъ извѣстно, считается одною изъ главныхъ причинъ послѣдняго возстанія (1857), и осада Лакноу до сихъ поръ свѣжо помнится старожилами. Худо жились аудцамъ при собственныхъ царяхъ, но быть присоединенными къ владѣніямъ остъ-индской компаніи имъ также не хотѣлось. По свидѣтельству правдивыхъ наблюдателей, народъ, когда ему говорили о присоединеніи къ владѣніямъ остъ-индской компаніи высказывали такъ: „мы несчастны, но да минуетъ насъ это большее изъ всѣхъ несчастій!“

Народъ, высшій и нисшій классы, не хотѣли присоединенія и какъ объясненіе своего нежеланія приводили одно: „тогда исчезнетъ самое имя Ауда, и мы перестанемъ существовать какъ отдѣльный народъ!“

Мнѣнія и нежеланія аудцевъ раздѣлялись многими вѣвъ Ауда. Аудская династія не была древнимъ царскимъ родомъ, но индусы вѣрили, что лакноускіе цари возсѣдаютъ на тронѣ самого Рамы.

Эта вѣра въ древность столицы Ауда окружала въ ихъ глазахъ особымъ поэтическимъ ореоломъ лакноускіе дворцы и сады. Но купцы и торгаши въ Leadenhall street Рамаяны не читали и такъ же какъ ихъ „великій проконсулъ“ въ Калькуттѣ были людьми не застѣнчивыми и не сентиментальными. Присоединеніе Ауда было выгодно, и въ февралѣ 1856 г. Лордъ Дальхаузи объявилъ, что королевство Аудъ не существуетъ болѣе: низложенъ былъ король и унижено его воинственное феодальное дворянство. Весь Аудъ былъ противъ

англичанъ и неудовольствіе также распространялось далеко за предѣлами присоединенной страны. Англичане замѣтили это тогда же, но не зная народа, они не могли разсчитать до какихъ ужасныхъ размѣровъ доростетъ народное негодование. Бунтъ засталъ англичанъ неприготовленными; они дорого заплатились за свое незнаніе народа, но, нужно отдать имъ справедливость, мужественно отстаивали свои права. Въ Лакноу разыгрался одинъ изъ геройскихъ эпизодовъ этой кровавой драмы. Здѣсь, въ такъ-называемой резиденціи (т. е. въ домѣ, гдѣ жилъ британскій резидентъ, до присоединенія Ауда) около тысячи англичанъ, солдатъ и женщинъ выдержали тяжелую осаду съ 30-го мая 1857 по 22-е ноября того же года. „The Residency“ самое любопытное мѣсто въ Лакноу: домъ былъ выстроенъ въ 1800 г., стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи и окруженъ большимъ садомъ, въ которомъ нѣсколько меньшихъ зданій; теперь зданія въ полуразвалившемся состояніи; вполнѣ сохранилось подземелье, въ которомъ прятались жены и дѣти осажденныхъ, да садъ, кругомъ зданій, поддерживается съ большимъ тщаніемъ.

Кромѣ резиденціи, въ Лакноу, городѣ мусульманскомъ, есть нѣсколько другихъ примѣчательныхъ зданій: Имамбара, бывшая мечеть, а теперь мѣсто склада для пушекъ, ружей и т. д., Кайзеръ-Багъ, дворецъ, выстроенный послѣднимъ королемъ, а нынѣ занимаемый англійскими солдатами и ихъ женами, множество другихъ дворцовъ и зданій съ громкими именами: „домъ солнца“ „радость сердца“ и т. д. Древнихъ зданій въ городѣ нѣтъ; стиль всѣхъ почти построекъ полу-итальянскій съ примѣсью восточной тяжелой роскоши. Древнѣйшимъ образцомъ итальянской архитектуры здѣсь считается домъ, выстроенный французскимъ генераломъ Клодъ-Мартеномъ (Claude-Martin), и въ которомъ теперь помѣщается La Martinière College. Населеніе города (295 т.)

главнымъ образомъ мусульманское, и какъ мнѣ привелось услышать на мѣстѣ, не считается англичанами „*лояльнымъ*“: это не значитъ однакоже, чтобы лакноуцы подумывали о новомъ бунтѣ. Послѣ 1857 англичане стали гораздо предусмотрительнѣе и врядъ ли дадутъ себя захватить врасплохъ.

Я провелъ въ Лакноу нѣсколько дней; послѣ Бенареса, лакноуская жара казалась сносною. Безъ панка и здѣсь нельзя было жить, но по утрамъ бывало прохладно и около шести часовъ вечера жаръ значительно спадалъ.—Отъ Лакноу до Барелли продолжается та же линія желѣзной дороги (*Oude and Rohilkund*) и тѣ же порядки: безпрестанныя и продолжительныя остановки, станціи съ буфетами и безъ всякой фды. Въ Барелли желѣзная дорога кончается; далѣе, съ Ранибагомъ, у подошвы горъ; сообщеніе производится посредствомъ *Horse dak*. Отъ Барелли до Ранибага считается семьдесятъ-пять миль; за тридцать рупи (т. е. три фунта) путешественнику дается индійская карета и пара лошадей (мѣняющіяся чрезъ каждыя пять-шесть миль). Индійская карета (гари) наружно мало чѣмъ отличается отъ европейской; но въ гари можно только лежать, а не сидѣть, что въ дорогѣ большое удобство. Ранибагъ въ гидахъ обозначается „at the foot of the hills“; на самомъ дѣлѣ нужно пройти около трехъ миль, и затѣмъ начинается подъемъ въ гору, къ Найни-Талу. Дорога не представляетъ ничего любопытнаго, но сама по себѣ замѣчательно хороша; гладкое широкое шоссе ведетъ вплоть до Найни-Тала (10 миль).

Найни-Талъ—небольшой городъ на высотѣ семи тысячъ футовъ, и его озеро, какъ круглое зеркало, положенное среди высокихъ горъ, грандіозно-красиво. Всюду по горамъ густая зелень, изъ-за которой выглядываютъ бѣлыя стѣны домовъ и домиковъ, разбросанныхъ по склонамъ. Къ каждому дому вьется подъ густою тѣнью дорожка, прекрасно вымощенная;

широкое шоссе огибаетъ все озеро. Климатъ на такой высотѣ совершенно какъ въ южной Европѣ; жары нѣтъ даже въ полдень; панка, зонтикъ, шлемъ здѣсь не нужны; здѣсь бродить можно цѣлый день, не уставая и не въ потѣ лица. Вечеромъ, когда солнце начинаетъ заходить, на озеро, на ярко освѣщенные вершины горы съ ихъ вѣковыми деревьями нельзя достаточно налюбоваться. Предъ глазами—одна изъ тѣхъ величественныхъ картинъ, которыя такъ глубоко вліяли на развитіе индійскаго религіознаго міросозерцанія; живя среди такой природы, первобытный индѣецъ, не разгадывая ея тайнъ, но глубоко чуя ея красоты, сталъ обожать гималайскія рѣки и озера. Въ этотъ часъ по озеру снуютъ лодки; изъ всѣхъ домиковъ показываются носилки (седаны, жампаны) съ дамами. Найни-Таль, какъ всѣ такъ-называемыя hill-stations въ Индіи, мѣсто модное, начиная съ апрѣля до конца октября; на это время сюда пріѣзжаетъ губернаторъ сѣверо-западной провинціи, его штатъ,—всякій, кому посчастливилось получить отпускъ; множество военныхъ живутъ здѣсь въ это время. Вечеромъ, начиная съ пяти и до обѣда, словомъ—въ модные часы, шоссе около озера превращается въ Роттенъ-роу Гайдъ-парка. Такъ какъ въ экипажахъ здѣсь ѣздить нельзя, то дамы разносятся кругомъ озера въ седанхъ, жампаныхъ, т. е. въ носилкахъ; толпы туземной прислуги окружаютъ каждый жампанъ; это восточное заимствованіе западнымъ человѣкомъ сначала, съ непривычки, кажется очень страннымъ. Около иного жампана, въ которомъ сидитъ щедущая англичанка, человѣкъ двадцать носильщиковъ; при этомъ иногда случается, что супругъ по болѣзни или старости не можетъ ѣздить верхомъ и сопровождаетъ супругу въ другомъ жампанѣ, съ такимъ же числомъ прислуги. Во все продолженіе сезона удовольствія не прекращаются; главнымъ образомъ крикѣтъ и бадмингтонъ зани-

мають публику; объ отличившихся въ этихъ играхъ да о boat-race говорится неустанно, и почти-что ежедневно пишется въ газетахъ; но, кромѣ того, въ сезонъ здѣсь бываютъ любительскія драматическія представленія, балы, концерты и т. д. Здѣсь есть также библіотека, очень изрядная по количеству томовъ; странно однакоже, что большинство книгъ не относится до Индіи, и число выписываемыхъ индійскихъ газетъ въ сравненіи съ лондонскими ничтожно. Послѣднее отчасти понятно: большинству индійскія газеты нужны для того, чтобы слѣдить за производствами, перемѣщеніемъ оффиціальныхъ лицъ, и т. д.; для такой цѣли, конечно, достаточно одной, много двухъ газетъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Найни-Талъ, Симла и т. п., всего труднѣе видѣть настоящую, туземную Индію; колонія сагибовъ, пріѣзжающихъ сюда, старается по возможности забыть на время объ Индіи и окружить себя, насколько силъ хватаетъ, европейской обстановкой; мѣстный характеръ склада жизни, конечно, вполне не исчезаетъ, и бросается въ глаза челоуѣку непривычному къ мѣстнымъ порядкамъ; но весь складъ англо-индійской жизни такъ мало интересенъ, что жить въ Найни-Талѣ для изученія этого было бы по меньшей мѣрѣ скучнымъ дѣломъ; къ тому же, дождливое время должно было скоро наступить, а потому, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, я пустился далѣе къ сѣверу, въ Алмору. Отъ Найни-Тала до Алмору считается по кратчайшей дорогѣ двадцатьдевять миль; дорога на всемъ протяженіи отличная, но такъ какъ она частью вьется въ гору, и къ тому же багажъ, а иногда и путешественникъ вынужденъ передвигаться на плечахъ носильщиковъ, то переѣздъ изъ Найни-Тала до Алмору занимаетъ около двухъ дней. На полъ-пути, въ Кернѣ, выстроенъ просторный Дакъ-бангалу. Первая половина пути до Керна самая легкая и пріятная, какъ только переберешься чрезъ горы, стѣною окружающія